

День седьмой

Спустя два месяца

Иду, как на казнь. Все внутри заледенело, застыло. Наверное, такое состояние было у террористов. Ах, не сравнивай ты себя с героями, не сравнивай! Что бы ни было, придешь обратно, поскулишь и перестанешь.

Холодно. Ветер продувает насквозь.

Заведи зимнее пальто. Комфорт облегчает жизнь. Нет, подожду. На черта мне комфорт! “Не выпрыгнешь из сердца...”

Неужели не удастся? В общем-то, я счастливый. Результаты лучше других клиник. И Саша тоже счастливый.

Нет, фортуна отвернулась. После того дела уже не вернется счастье. А когда-то было хорошо.

Брось, никогда этого не было. Ты просто забыл.

Даже не знаю, какой пакости сегодня ждать. Мы же стали опытнее, и аппаратура лучше. Но он-то тяжелее. К старому еще сколько нового прибавилось. Мышца сердца — дрянь. А спайки? А та заплатка на сердце, на левом желудочке? Не обольщайся.

Небо все в низких тучах, только на востоке узкая чистая полоска. И солнце вылезает из-за горизонта, расплющенное, красное. Зловещее. А прошлый раз была весна. Помнишь? Вот так же шел в гору, боялся. Скорее бы кончился этот день. Как угодно, только бы скорее. Нет, не как угодно.

Лучше ничего не думать. Смотреть на солнце, на дорогу, закрываться от ветра.

Во мне как будто несколько человек. Один идет, выбирает место, где ступить, ощущает холод на щеках. Другой представляет, как это все будет, как разрез, как клапан иссекать. Вшивать новый. Третий причитает, проклинает судьбу: “Хотя бы все это кончилось!” А периодами мелькает кладбище, желтая земля из разрытой могилы на белом снегу, Саша... Музыканты дуют в трубы. Реквием.

Все они идут, несчастные.

Идут и идут. Гора крутая, тропинка скользкая, первый начинает уставать. Другие примолкают. Снизить темп. Старость.

Солнце уже отделилось от горизонта.

Тополя вокруг клиники все в инее. Дорожка не размечена. (Лодыри.) Скамейки пустые, припорошенные снегом. Родственники теперь сидят в вестибюле приемного покоя. Хорошо, не смотрят жадными глазами. Но Рая, наверное, наверху. Вчера только плакала, не протестовала. Уверена, что и прошлый год напрасно оперировал. Что все от этого... Не говорит, но я вижу. Еще скажет, если...

Нет. Не допустить.

Если бы можно! Была бы камера, тогда не так страшно.

Нет и не будет. Ее забрали на завод и распилили. Для следствия и комиссий она уже больше не нужна, измерена и описана вдоль и поперек.

Три месяца стояла обгоревшая, будила страшные картины. Но они все равно остались. Навсегда. Развеяться уже не успеют. Поздно.

В служебном вестибюле обычная утренняя сутолока. Раздеваются, халаты в шкафу разыскивают. Всегда путают.

Здороваясь. Будничная маска на лице. Все равно никого не обмануть.

Нужно зайти к Саше. Неужели он не спит? Я просил Диму дать максимальную подготовку.

Пальто, пиджак — в шкаф. Халат, тапочки. Раи перед кабинетом нет. Не забыть бы позвонить Ирине.

Уже без четверти девять. У Леночки идет урок. Провожал в школу. “Ты приходи пораньше, дедушка”.

Нет, ничто сегодня душу не греет, даже она.

“Сашина палата”. Все ее так называют.

Захожу тихонько. Лежит, вытянулся. Дремлет. Подействовало. Уйти? Немножко посмотрю. Лицо, как на иконах. Побрит. Наверное, вчера вечером.

Открыл глаза. Где-то в подсознании ждал.

— Михаил Иванович? Пришли проститься?

(Проститься?!)

— Пришел взглянуть, спишь или нет.

Веки снова опустились. Говорит, как сквозь сон, невнятно:

— Сплю. Всю ночь спал. Спасибо, спасибо!..

Уйду. Не нужно будить, чтобы не думал. Хорошо бы выключать мысли, которых не хочешь. Скоро химики делают такие таблетки: принял — весело, другую — любовь. Каждый нервный центр имеет свою химическую специфику, — когда ее раскроют, будут управлять чувствами, а через них — мыслями.

Раи нет. Марья увела к себе в ассистентскую. Правильно. А Сережа? Бедный мальчик. Наверное, от него скрыли время операции. Должны скрыть. И еще есть Ирина. Ждет.

Но смерти не скроешь.

Картина кладбища. Реквием. Тогда было много цветов. Два заколоченных гроба. Так всегда хоронят после катастроф — в закрытых гробах. Я маленький, совсем сжался, стою в толпе. Но все равно все смотрят на меня. Убийца?

Не надо. На сегодня все отбросить, все заглушить. Машина.

Без пяти девять. Идти начинать конференцию.

В зале шум. Ничего на них не действует. Неужели не чувствуют? Захожу и сажусь молча. Сразу замолкают. Видят — дело не шуточное.

— Прошу вас, сестры.

Докладывают по очереди о своих тяжелых больных. Температура, кровяное давление, пульс. Выучены хорошо. Но

многие бегут от нас — тяжело. Нужны энтузиасты. Это не менее трудно, чем целина или новостройка в Сибири. Даже труднее.

Думаю о разном. Но в голове есть следящая система, которая четко регистрирует стандартизированные сведения сестер. Чуть рассогласование — сигнал.

Докладывают дальше. Дошли до третьего этажа. После-операционный пост, дети. Вчерашние все хорошие. Снова оперируем тяжелых. Спасибо ребятам, Марье в тот юбилейный день. Совесть на месте. Слава Богу, потери пока небольшие.

— Больной Поповский идет на операцию. После премедикации спал всю ночь. (Это он — Саша.)

— Нет вопросов к сестрам?.. Сестры могут идти. Хирурги, доложите сегодняшних больных.

Порядок, отработанный годами. Передо мной список операций: митральный стеноз, две легочные и “замена клапана”.

Все, как прошлый раз. Опять Женя докладывает. Нарочно, что ли, Марья подстроила? Суеверная — прошлый раз все кончилось хорошо. Не верю. Не помогает.

Повесил рентгенограмму. Сердце еще больше, чем было тогда.

— Поповский Александр Яковлевич, тридцать четыре года.

— Все это знаем. Доложите последние анализы.

Называет цифры. Их я тоже знаю — вчера смотрел, когда сидел у него под вечер. Ничего утешительного нет. Три недели интенсивно готовили, пичкали разными лекарствами, но декомпенсация не уменьшилась.

Если бы тогда вшили шариковый клапан... Может быть, стоило подождать? Через восемь месяцев после операции

появился этот новый клапан, привез с завода Петр Борисович. Нет, не дождался бы. Но теперь он еще тяжелее...

— Наверное, следовало бы определить минутный объем сердца после нагрузки. Уж очень низкое насыщение венозной крови.

— Глупости говорите. Какая ему нагрузка? Насыщение низкое, потому что миокард слабый, даже в покое производительность сердца понижена. Все?

Кивает. Спросить бы Диму, как он рассчитал состав жидкости в оксигенатор. Но он уже в операционной. Приказано было начать пораньше. Там спрошу.

— Олег, вы сегодня никуда не исчезайте. Мало ли что случится.

Знаю “что”, только не хочу додумывать. Сердце может не пойти, придется машину параллельно гонять... Лучше не нужно об этом думать.

Потом коротко о предстоящей операции, как я себе представляю.

— Доступ правосторонний. Глубоко, но иначе нельзя. Основные трудности — спайки сердца с перикардом. Там осталась заплата на левом желудочке, помните, было кровотечение? Наверное, так припаялось, что зубами не отдерешь. (Я все время думаю об этой заплате, будь она проклята.) Иссечение старого клапана и вшивание нового, возможно, будет не очень трудным. Уже делали. В общем, посмотрим.

Докладывают других больных. Я не слушаю, только следящая система включена. Хорошо бы машину такую сделать, чтобы слушала вместо меня.

Потом рассказывали о вчерашних операциях, слушали доклад дежурного врача. Все проходило мимо. В клинике спокойно. Можно все внимание сосредоточить на Саше. Может быть, придется держать на искусственном дыхании?

Мыслей в голове мало. Глухо как-то. Все внутри притаилось. “Затишье перед боем”, как писали прежде в романах. А может быть, это безразличие? С годами я все строже гляжу на себя: вдруг оно появится, равнодушие?

Заглянула Люба, выпалила:

— Дмитрий Алексеевич приказал идти хирургу ставить капельницу!

И убежала.

Сердце сжалось. “Уже в операционной”. Нет возврата.

— Иди, Женя, у тебя рука легкая. И вообще, все можете расходиться.

Покурить бы. Нет, нельзя. Вон они, черти, задымили, не боятся. Уйду, посижу один. Через пятнадцать минут идти. Сам буду начинать.

— Петр Александрович, смотрите больных на послеоперационном. Я не пойду.

Ушел. Пусть они поболтают немножко. Очень любят. Неизвестно, когда домой пойдут... А вдруг — рано. Мысли без слов, страх: “рано” — это плохо. Это значит — сразу.

Кабинет. Посидим в молчании и без дела. Здесь утренний зимний полумрак. Тучи все небо заволокли, та полоска на востоке исчезла. Плотные тучи, где солнце, даже не угадать.

Как все просто и жестоко! Собрались люди и готовятся произвести какое-то действие, от которого один человек может оказаться мертвым. Если посмотреть со стороны, незнающему: усыпили, вскрыли грудь, пустили какую-то машину, сердце остановилось. Разрезали, что-то делают внутри, вставляют какую-то штуку. Зашивают, бьют током, сердце сокращается все быстрее, быстрее. Стягивают рану. Просыпается. Ожил. Чудеса!

Или нет. Сердце не идет. Раз, второй, еще ток. Что-то копошатся, ругаются. Тянутся минуты, часы. Вот главный

ушел. Все стихло. Зашивают, уносят. Труп. Убили. Как же так можно?!

Оказывается, можно... Глупости какие-то лезут в голову. Телефон. Что там еще надо?

— Слушаю.

— Это Виктор, Михаил Иванович! Пришли из Облпрофсовета по нашему делу. Хотят вас видеть.

К черту!

— Я, к сожалению, не могу. Сейчас ухожу на операцию. Передайте им, что мне нечего добавить к тому, что уже записано в многочисленных актах.

Повесил трубку. Ох, не будет конца...

А если сегодня неудача? Найдутся и такие, напишут: “Что это за эксперименты? Один клапан, другой. Кто позволил? Присовокупить к делу!” Конечно, Марье легко упрекать в трусости и черствости... Побыла бы в моей шкуре... Липкий страх, как жаба, холодный, шершавый, ползает по душе.

Стоп! Не распускай нюни. Во-первых, все правильно. Ты делал правильно, хотя и неумело. Они делают правильно: есть закон. И Марья права — нельзя поддаваться. Кроме Уголовного кодекса, есть еще совесть. Она — выше. Ты виновен перед людьми. “Но заслуживаю снисхождения...” Нет. Пока еще нет. Не нужно мне сейчас напоминать, не нужно!

Я должен думать об операции, больше ни о чем, что бы там ни было потом.

Об операции. Если там, около заплат, сердце сращено с перикардом очень крепко, что делать? Не выделять? Клапан вшивать — это не помешает. Да, хорошо, если после нагревания сердце само пойдет. А если нет? А куда завести ложки электродов, чтобы дефибриллировать? А как массировать, когда сердце в спайках?

Не знаю, что делать. Давай нарисуем, какова там анатомия.

Рисую. Вот левый желудочек, вот заплата, где очень прочные сращения. Вот приросший перикард. Что за ним снаружи? Плевральная полость, потом легкое. Полость плевры, конечно, заращена, как и полость перикарда. Но, может быть, более рыхло.

Ага. Нужно попытаться рассечь перикард и войти в левую плевральную полость. Тогда можно охватить сердце, подвести ложку.

Можно. Но можно и легкое порвать, оно очень непрочное. Кровоточить начнет из него.

Выхода все равно нет. Сразу не буду этого делать, только если сращения окажутся непомерно прочными. Вдруг сердце пойдет само? А если нет, тогда никуда не денешься. Придется.

Может быть, и удастся. Есть же у него счастье? У него самого, у Сережи... Ирины. На этот раз никаких писем и пакетов не передал. Надеется? А если... Нет, не нужно думать. Что нет? Ты доктор или кисейная барышня? Если умрет, то я заберу все бумаги и передам Ирине. Она сумеет ими распорядиться лучше Раи. Отредактирует вместе с ребятами, обокрасть после смерти не даст.

Что там особенное красть? Это же идеи, не изобретение.

Ты не знаешь, может быть, принципы, гипотеза и есть самое главное.

Если... то и наша кибернетика осиротеет. Хотя Володя и хвалится, что все знает, я не очень верю. Создадим системы на перфокартах, архив историй болезни, а как их анализировать на вычислительных машинах? Я не представляю, как программу составить.

Ирина. Так и не знаю: любит он ее или нет? Письмо было неприятное. Она приходила в клинику, но всегда не одна, с кем-нибудь из ребят. Кажется, никаких сплетен не слышал. Впрочем, от кого мне слышать?

Опять об операции. Решение рассекать перикард неудачное. Очень рискованно. Нужно искать что-то другое. Где-то в подсознании все время перебираются другие варианты. Машина работает.

Будет ли толк от операции, если не умрет? После той неудачи у меня нет твердой уверенности. Мало ли что они пишут, американцы. Писали уже. Но москвичи тоже хвалят. Надежды есть. У Ларисы исполнился год — и безукоризненно. Размеры сердца уменьшились — самое важное доказательство эффекта. У тех, злосчастных, со старыми клапанами, этого не было. К концу года уже явно намечалось ухудшение, а здесь — наоборот, все лучше. И Тамара чувствует себя хорошо и Лена. Но у них еще сроки недостаточные для выводов... И Сима танцевать ходила через полгода.

Стой! А что если я сделаю так: одну ложку дефибрилятора подведу под заднюю поверхность сердца — ее-то мне удастся освободить, — а вторую наложу прямо на грудь, сверху? Дать побольше ток — пробьет. Когда в палате дефибрилируем — оба электрода сверху — и удастся. Да, конечно, удастся!

Вот только массировать сердце все равно невозможно. Правда, если одну руку подвести сзади и прижать его к передней грудной стенке, то какой-то толк будет. Что-то все-таки выжать можно...

Да, все верно. Не буду эти спайки разрушать, если окажутся очень прочными. Тем более это рискованно из-за кровотечения — коагулировать сосуды на территории левого желудочка явно не удастся. Не достать.

Так и порешим — разделяем спайки в пределах возможного.

А о стойкости новых клапанов сейчас думать не нужно. Положение все равно отчаянное.

Больной-то уже в операционной, чего говорить... Но других я пока оперировать подожду. Хотя и нажимают на меня ребята, подожду. Пусть у всех троих, что живут с шариками, будет больше года. Нет, дело даже не в расследовании, просто права не имею. Нет стопроцентной уверенности.

Идти, что ли? Рано. На какой-то параллельной дорожке время учитывается, и невидимый глаз наблюдает за операционной. Капельницу Женя поставил. Усыпили. Наверное, теперь Дима трубку вводит. Наверное, нужно бы с ним побыть, пока готовили? Скажет: “Вот, не захотел прийти..”

Не могу. Этого взгляда, когда на стол ложится, выдержать не могу. “Ложитесь. Спокойно. Сейчас сделаем укол..” Для нас это профессиональные слова. А для него они, может быть, последние.

Не надо мусолить, не надо! Думай о другом. О чем думать-то? Если бы можно просто выключить. Он был сильно оглушен этими лекарствами, наверное, и не испытал тоски, не пришел полностью в себя. Нет, когда укол делали, проснулся. Больно. Но, наверное, сразу уснул снова. Конечно, то, что Лена жива, для него большое утешение. Но я-то знаю, что она была много легче. Много легче.

Некоторые идут на операцию потому, что все жизненные ресурсы исчерпаны. Жизнь они понимают в движении, в чувствах. “Или умру, или поправлюсь”. А он нет. Он и больным жил. Напряженно работал. Знаю, согласился бы лежать всю жизнь, лишь бы мыслить. Если бы была большая кислородная камера, то таких больных можно держать в ней непрерывно, годами.

Эх, камера! И инженеры — тоже хороши. А не признаются, что оплошали. “Мы-де рассчитывали на воздух, только с добавкой кислорода...” Правильно, так и мы предполагали.

Но потом-то они знали... Все равно не могу их осуждать. Энтузиасты, бескорыстно работали. Ошиблись.

Одни бесплодные сетования. Никак не научусь управлять собой. Теперь уже и поздно учиться.

Чего можно ожидать? Да всего, любое осложнение возможно у такого больного. Как страшно: “больной” и Саша. Совершенно разные люди, я о них думаю по-разному.

Еще до подключения машины может наступить сердечная слабость. Нет, это не очень опасно. Искусственное дыхание спасает, в мозг идет хорошая кровь. Потом — спайки. Уже думал, хватит. Были случаи, когда приходилось зашивать, ничего не сделав, из-за спаек. Сегодня нельзя. Сегодня надо до конца. Неужели до конца? Да, не могу, нельзя снять его со стола, ничего не сделав. Не зарекайся. Бывает, что невозможно.

Пока машина работает, ничто не угрожает. Неполадки? Исключено. Не помню случая, чтобы были рискованные положения. Все-таки эти девочки, “машинисты”, хорошо работают.

Да, самое страшное — вдруг недостаточность аортального клапана? Тогда все затрудняется. Тогда два клапана вшивать — митральный и в аорту. Для него это безнадежно...

Было уже такое один раз. Не нужно вспоминать. Вшили два клапана, но потом... У него не должно быть. При первой операции не было, не могли же измениться аортальные клапаны за это время? Все бывает. Посмотрим еще историю болезни.

Перелистываю, ищу записи кровяного давления. По ним можно судить, хотя и не очень достоверно.

Нет, кажется, нет подозрений. Но редко меряли кровяное давление, черти. “Не хотелось его беспокоить лишний раз...”

Конечно, не хочется, когда человек все лежит и пишет и что-то думает... Все-таки он порядочно “не от мира сего”. Схема, а не человек.

Не пора ли идти? Нет, еще минут пять-десять. Не нужно раньше времени являться.

“Не от мира сего”. Но женился, любовницу имел. Ах, какая она любовница! Друг. И очень хороший. Впрочем, мало знаю. Так, прикоснется к тебе человек одним бочком, а ты пытаешься судить обо всем. Даже и он, Саша. Много было разговоров, но все показывали только одну сторону. Логика и фантазия. Интеллект подавляет чувства. Гипертрофия некоторых корковых моделей — “программ”, употребляя его терминологию. Страсть к познанию — пожалуй, это главное в нем. Познание как моделирование. Количественное, поскольку он математик. Единственное, которое он принимал.

И больше ничего? Неужели только страсть к науке, все равно как порок — к женщинам или алкоголю? Не знаю. Поведение человека многообразно. “Много программ”, как он говорил. Помнишь? “Для себя”, “для рода”, “для вида”, “общества”. Видимо, может быть разное количественное соотношение этих программ. Что значит — количественное? По числу часов, по числу мыслей? Не знаю. Ловлю себя на мысли — “спросить у Саши”... А если не у кого будет спросить?

Почему мне кажется, что все кончится хорошо? Думаешь, ты уже сполна получил свою долю несчастья?

Нет, я не верю в Бога. Все определяется людьми, все материально. Несчастливые люди чаще всего виноваты сами: не могут предвидеть, не могут спланировать, соразмерить.

Довольно о счастье. Было уже разговоров достаточно: центр приятного, неприятного, адаптация, воздействия

“снизу”, “сверху”. Инстинкты, подкорка, кора, увлекаемость — гипертрофия корковых моделей — смотри Сашины тетради.

Только все это “общие принципы”. А вот как их реализовать — неясно.

Хочешь “рецепт на счастье”?

Ничего сейчас не хочу — только одного: чтобы остался жив.

Врешь. Много еще закоулков в душе, всяких тайных желаний. В некоторых человек и себе не признается.

Не будем уточнять. Пора идти.

Пора...

.....
.....
.....

Он умер.

Клапан перешили хорошо, но сердце запустить не удалось.

Умер.